

УДК 159.0

**СУБЪЕКТИВНЫЙ ВОЗРАСТ В КОНТЕКСТЕ
СИСТЕМНО-СУБЪЕКТНОГО ПОДХОДА¹***Е.А. Сергиенко***Аннотация**

Статья посвящена раскрытию теоретического и эмпирического потенциала категории субъективного возраста человека. В контексте системно-субъектного подхода рассматриваются когнитивно-субъективные оценки человеком собственного возраста, оказывающие влияние на внутреннюю картину временной перспективы, восприятие жизненных событий, на организацию и регуляцию поведения. Категория субъективного возраста не становится альтернативой типологическому, причинно-целевому и мотивационному подходам к проблеме психологического времени, она является лишь иным ракурсом ее изучения. Субъективный возраст представляет собой ключевой конструкт, позволяющий открыть новые пути анализа самоопределения, контроля поведения, субъективного выбора сценариев собственной жизни и их интерпретации, подойти к решению вопроса о соотношении категорий субъект и личность. На основе собственных данных и работ других авторов обсуждаются характеристики субъективного возраста, его динамика и факторы, влияющие на него.

Ключевые слова: субъективный возраст, системно-субъектный подход, субъект, личность, временная перспектива.

Целью настоящей статьи является введение конструкта субъективного возраста, который приобретает ключевое значение в контексте системно-субъектного подхода. Данный подход разрабатывается автором [1, 2] на основе системно-эволюционного и субъектно-деятельностного подходов. Многие проблемы современной психологии имеют общие, близкие решения в этих подходах. Это положения об имманентной динамике психического и динамике систем, единая, но качественно различная уровневая (стадиальная) организация человеческой психики, ее развития, идеи неразрывности биосоциальной природы человека: «внешнее через внутреннее», саморазвитие, самоорганизация в процессе деятельности (принцип самодеятельности), целостный, интегративный характер субъекта, системной организации его психики. Подобная общность позволяет объединить имеющиеся подходы, что означает не просто их механическое соединение, а создание новой парадигмы, раскрывающей иные аспекты изучения человека. Чем в таком случае обусловлено создание нового подхода? В системном подходе и его вариантах (системно-эволюционном, теории динамических систем) не остается места субъекту как активному и пристрастному «деятелю»

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 11-06-00916).

собственного бытия, собственной активности, нет места интегративной индивидуальности, которая обеспечивает целостное поведение человека и его индивидуальные варианты адаптации к внешним условиям бытия. В субъектно-деятельностном подходе проблемой остается анализ внутренних условий самой деятельности, размытость внутренней психической организации, отсутствие представления о ее структуре. Кроме того, создание нового подхода обусловлено наличием некоторых слабых сторон, которые можно выявить при анализе.

Выделяя категорию субъекта как центральную в системно-субъектном подходе, необходимо найти те специфические функции, которые отличают ее от других категорий психологической науки. Эти функции должны обладать статусами системности и субъектности одновременно. Б.Ф. Ломов выделяет три основные функции психических процессов: когнитивную, регулятивную и коммуникативную [4]. Так, когнитивной функцией субъекта может стать понимание. Оно является одновременно и когнитивным, и экзистенциальным феноменом. Понимание человеком окружающего мира включает внутренние модели (модель психического мира и модель физического мира) и смысловые образования, опосредующие его выбор и интерпретацию происходящих событий и окружающих явлений. Регулятивной функцией субъекта может выступать контроль поведения – основа саморегуляции человека. Контроль поведения является интегративной характеристикой, включающей когнитивный контроль, эмоциональную регуляцию и контроль действий (произвольность) [4]. В отличие от саморегуляции, контроль поведения обладает спонтанностью и самопроизвольностью. Коммуникативная функция субъекта может быть выражена через представление о субъект-субъектных и субъект-объектных взаимодействиях. Так, в случае манипулятивных влияний один человек или группа людей под воздействием субъекта становятся объектами. И напротив, человек или группа выступают субъектами взаимодействия по отношению к другим людям или человеку как объекту воздействия. Однако реально взаимодействия людей могут быть только тогда эффективны, когда учитываются субъектность объекта воздействия, уровень и особенности его внутренних моделей, степень понимания, индивидуальная специфика его контроля и т. д.

Сложным вопросом остается соотношение категорий субъекта и личности. Можно выделить две точки зрения на соотношение этих категорий. Первая точка зрения состоит в утверждении приоритета личности над субъектом: личность – высший уровень развития субъекта [5]. При этом развитие личности и субъекта могут не совпадать, то есть их развитие отличается неравномерностью. Например, преуспевающий политический деятель или предприниматель отличаются высокими достижениями в своей деятельности, но при этом они могут оставаться на низком уровне развития личности, моральных, ценностно-смысловых ориентаций. Следовательно, в данном понимании соотношения субъекта и личности категория субъекта подчеркивает активное, деятельное начало, не включая ни нравственных переживаний, ни ценностно-смысловых ориентаций.

В рамках второй точки зрения субъект рассматривается как высший уровень развития личности (К.А. Абульханова, А.Г. Асмолов, В.А. Петровский, С.Л. Рубинштейн). Так, А.Г. Асмолов считает, что единицей анализа структуры личности становятся динамические смысловые системы, отражающие единство

аффекта и интеллекта. Он выделяет два плана проявления личности как субъекта: продуктивный и инструментальный. Продуктивный план означает активность личности при возникновении отклонений от нормативно заданных линий развития, это самоотдача, преобразование себя и других. В таком случае различия между субъектом и личностью можно определить как активность по преобразованию нормативности во вне себя и в себе [6]. Схожее понимание проблемы выражает и В.А. Петровский [7]. К.А. Абульханова утверждает, что развитие личности как субъекта осуществляется не в себе, не для себя, а на жизненном пути, что проявляется в оптимальном способе его организации [8]. Эта точка зрения на соотношение субъекта и личности фактически включает категорию субъекта в личностный дискурс, тем самым не выделяя ее как самостоятельную. А.В. Брушлинский считает, что субъект всегда является личностью, но не сводим к ней [9]. Б.Г. Ананьев пишет, что «совпадение личности и субъекта относительно даже при максимальном сближении их свойств, так как субъект характеризуется совокупностью деятельностей и мерой продуктивности» [10, с. 253].

Наше понимание соотношения субъекта и личности вбирает в себя представления о содержательной ценностно-смысловой наполненности личностного конструкта (Б.Г. Ананьев, Л.И. Анцыферова, А.Г. Асмолов) и деятельностном начале субъекта (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, Л.И. Анцыферова), воплощающего свою индивидуальность и реализующего собственные ресурсы. С позиций системно-субъектного подхода личность – это стержневая структура субъекта, задающая общее направление его самоорганизации и саморазвития. Метафорически это соотношение можно представить в виде *командного и исполнительского звеньев*. Личность задает направление движения, а субъект осуществляет его конкретную реализацию через координацию выбора целей и ресурсов индивидуальности человека.

Изучение соотношения субъекта и личности потребовало обращения к конструкту субъективного возраста, в котором пересекаются как субъективные ценностно-смысловые координаты личностного времени, так и возможности самореализации, активности, направляемой и регулируемой этими представлениями.

Субъективный возраст человека – это самовосприятие собственного возраста. Такое понимание этого термина делает основной задачей исследования рассмотрение когнитивно-субъективных оценок человеком своего возраста, так как они меняют внутреннюю картину временной перспективы, восприятие им жизненных событий, организацию и регуляцию поведения, шкалу его жизни. Категория субъективного возраста не становится альтернативой типологическому (К.А. Абульханова, Т.Н. Березина, В.Н. Дружинин, К.Г. Юнг, В.И. Ковалев), причинно-целевому (Е.И. Головаха, А.А. Кроник, Р.А. Ахмеров, В.В. Нуркова) и мотивационному (Ж. Нюттен, Ф. Зимбардо, А. Сырцова, Н.Н. Толстых) подходам к проблеме «человек и время», а лишь задает иной ракурс ее рассмотрения. В современных зарубежных работах описана тенденция увеличения с годами разрыва между хронологическим, субъективным и желаемым возрастом, подтвержденная результатами кросскультурных исследований, в которых она выступает как общечеловеческая универсалия. Однако степень изученности этой тенденции и уровень ее теоретической интерпретации остаются недостаточными [11].

Субъективный возраст человека фактически описывает динамику возрастной идентичности. Он становится тем стержневым представлением, относительно которого человек воспринимает себя на жизненном пути, испытывая удовлетворенность или неудовлетворенность собственной жизнью. Данный конструкт, несмотря на интенсивные исследования личностного восприятия жизненного пути и временной перспективы, в отечественной психологии не изучался. В то же время, как показали западные исследования, субъективный возраст человека тесно связан с его физическим и психическим здоровьем, удовлетворенностью жизнью, временной перспективой и индивидуально-психологической организацией [12–15]. С другой стороны, актуальность исследования динамики субъективного возраста, особенно отчетливо проявляющейся в более старшем возрасте (50 лет и более), значительно возрастает в контексте мировой тенденции старения населения, что особенно характерно для развитых стран Европы. Одна четверть европейцев – это люди старше 60 лет, подобная же картина наблюдается в США и Японии [15]. Та же тенденция отмечается и в России. Соответственно, должны изменяться социальная организация, социальные стереотипы и стандарты, тогда как сейчас они отражают ценность молодости.

В отечественной психологии проблема «человек и время» изучалась достаточно активно (Б.Г. Ананьев, Н.А. Бернштейн, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, С.Л. Рубинштейн, О.К. Тихомиров, А.А. Ухтомский), но наиболее интенсивное ее изучение приходится на конец XX – начало XXI в. Однако в данных работах акцент делался на изучении проблем личностного психологического времени, восприятия человеком своего жизненного пути, анализе его субъективной картины и отношения к событиям собственной жизни, к временной перспективе, определении соотношения между прошлым, настоящим и будущим [16–22].

Существует несколько подходов к изучению психологического времени: типологический, каузальный (причинно-целевой) и мотивационный. Типологический подход выделяет типичные личностные организации в связи с отношением к фактору времени. Наиболее разработан данный подход К.А. Абульхановой, Т.Н. Березиной [8, 17]. Центральным для этих исследователей является понятие «личностная организация времени», которое трактуется как способность организовывать время собственной жизни, представляющее для субъекта ценность как необходимый ресурс для саморазвития и самосовершенствования. Они выделяют три типа перспективы личности: когнитивная перспектива, когда личность сознательно и достаточно детально строит свои жизненные планы, структурирует будущее, видит свои перспективы и себя в будущем; личностно-мотивационная перспектива, отличающаяся отсутствием когнитивного плана или даже сколько-нибудь четких представлений о будущем, но мотивация достижения создает направленность личности на будущее и определенную гарантию ее реализации; жизненная перспектива, которая задается предшествующей жизнью человека, когда достигнутое формирует потенциал личности, дает преимущества, которые гарантируют успешное будущее. Соотношение и степень выраженности таких временных перспектив и лежит в основе типологии личности.

Другой подход к анализу проблемы «время и личность» (или «психологическое время личности») – это причинно-целевой, или каузальный подход. Широкое распространение и признание он получил благодаря работам Е.И. Головахи,

А.А. Кроника, Р.А. Ахмерова (см. [16, 22]) и ряда других исследователей. Основу подхода составляет изучение субъективной картины жизненного пути человека – каузометрия. Понятие «субъективная картина жизненного пути» ввел Б.Г. Ананьев [9] для обозначения важнейшей характеристики самосознания человека, отражающей вехи его индивидуального и социального развития, главные события его жизненного пути, связанные в единую систему отсчета биологического, психологического и исторического времени. Этот образ – субъективная картина – включает и прошлое, и настоящее, и будущее человека. Авторы каузального подхода полагают, что психологическое время отражает не просто события прошлой, настоящей и будущей жизни человека в их хронологической последовательности, а целостную, сложно организованную систему субъективно значимых причинно-следственных связей между этими событиями. Причем события не только субъективно осознаются, но и переживаются как значимые, порождая личностное понимание. Анализируется при этом не только причинная обусловленность¹, то есть детерминация прошлым, но и целевая детерминация (детерминация будущим).

Разработка метода каузометрии потребовала введения и обоснования целого ряда дополнительных понятий и представлений: межсобытийные связи и отношения, жизненные обстоятельства, жизненная программа, виды жизненных планов, биографические кризисы и их типология, событийные группы, психологический возраст личности, коэффициент взрослости, ожидаемая продолжительность жизни, чувство реализованности.

Третье направление, в рамках которого разрабатываются проблемы психологического времени, – мотивационный подход. Еще К. Левин выделял в психологическом поле (жизненном пространстве) психологическое прошлое и психологическое будущее, подчеркивая единство представлений о прошлом, настоящем и будущем. Важным компонентом психологического будущего является мотивация. Понимание временной перспективы будущего как пространства мотивации – центральная идея Ж. Нюттена. Он разводит три различных аспекта психологического времени, которые нередко относят к одному и тому же понятию – временной перспективе. Последняя характеризуется протяженностью, насыщенностью, степенью структурированности и уровнем реалистичности. Временная установка – это позитивная или негативная установка субъекта по отношению к прошлому, настоящему или будущему. Временная ориентация отражает преимущественное направление поведения субъекта и представляет собой доминирующую ориентацию на объекты и события в прошлом, настоящем или будущем. Наличие индивидуальной временной перспективы создает у субъекта привычную открытость прошлому или будущему. Ее отсутствие означает замкнутость внутри текущего настоящего. Виртуально существующий объект становится действительно существующим тогда, когда он вызывается к жизни ситуацией или соответствующей мотивацией [19]. По Ж. Нюттену, экстенсивность

¹ В.В. Нуркова считает, что в основе каузометрии лежит необоснованное допущение, что структура организации материала в автобиографической памяти определяется единственным принципом – причинностью, а принудительное установление причинно-следственных связей между всеми событиями жизни есть универсальный механизм работы личности со своим прошлым [23]. По ее мнению, психологическое время личности не поддается прямому и непосредственному анализу, а предполагает определенные усилия по достижению самопонимания.

(протяженность) временной перспективы играет важную роль в выработке поведенческих планов и проектов. Индивид, который смотрит далеко вперед, создает долговременные проекты, возможно, поэтому, находит больше средств для их реализации. Если средства отсутствуют в настоящем, они могут быть найдены в будущем. Таким образом, протяженная, реалистическая и активная временная перспектива будущего важна для планирования и осуществления поведенческих проектов, поскольку почти все важные достижения предполагают наличие скоординированных и долговременных структур, включающих цели и средства их реализации [19].

Несмотря на то что три перечисленных подхода к исследованию психологического времени характеризуются своеобразием, они тесно взаимосвязаны и взаимно дополняют друг друга. На первый взгляд, конструкт «субъективный возраст» слабо связан с изложенными подходами. Однако, как мы покажем далее, глубинные связи, хотя и не эксплицированные ни теоретически, ни эмпирически, существуют.

Изучение субъективного возраста началось в 1950 г. Эмпирические исследования обнаружили феномен, когда субъективно воспринимаемый возраст оказывается меньше хронологического, а желаемый возраст – меньше субъективного (идеальный возраст < субъективный возраст < хронологический возраст). Р. Кастенбаум, В. Дербин, П. Сабатини и С. Арт предложили модель субъективного возраста “ages-of-me”, многомерную, состоящую из различных «внутренних возрастов». В рамках данной модели оценка субъективного возраста осуществлялась по 4 параметрам: эмоциональный возраст (feel-age); биологический возраст (look-age); социальный возраст (do-age); интеллектуальный возраст (interest-age) [14].

Изучение субъективного возраста долгое время осуществлялось лишь в США и только в 90-х годах XX в. началось в других странах. На настоящее время проведены кросскультурные исследования в 18 странах (Бельгии, Бразилии, Канаде, Китае, Хорватии, Финляндии, Швеции, Франции, Германии, Индии, Японии, Нидерландах, Польше, Южной Корее, Швейцарии, Украине, Великобритании и США), различных по культуре, традициям и уровню жизни. Обнаружена удивительная универсальность более молодого субъективного возраста по сравнению с хронологическим и еще более молодого идеального (или желаемого) возраста во всех 18 странах [11]. Данные показали, что более молодые люди чаще воспринимают себя старше своего реального возраста, тогда как более старшие в целом моложе, при этом разница между субъективным возрастом и хронологическим становится более значительной с годами [24]. Исследования, проведенные с участием пожилых людей 58–70 лет в Швейцарии, подтвердили общую тенденцию, согласно которой субъективный возраст значимо меньше календарного, однако различия между возрастными группами составляли 5–6 лет, тогда как результаты, полученные в Дании, обнаружили разницу в 15 лет, а идеальной возрастом в этой выборке был еще меньше реального – на 20 лет, при том что в швейцарском исследовании – на 8.3 года. Полученные данные указывают на существенное влияние культурных различий на субъективную идентификацию.

Обнаружена динамика изменения субъективного возраста. Подростки ощущают себя старше их актуального возраста, для 20-летних типично совпадение субъективного и хронологического возрастов, но в 30 лет люди сообщают о более

молодом субъективном возрасте [25]. Исследователи представляют переход от более старшего субъективного возраста к более молодому в виде U-образной функции, которая описывает переход от подросткового возраста к взрослому [15]. В исследовании Н. Галамбос и других возраст, когда подростки ощущают себя старше, чем они есть, был 11.5 лет, тогда как переход при оценивании к более молодому субъективному возрасту наблюдался в 25.5 лет [26]. В лонгитудном исследовании 570 подростков изучались в 12–19 лет и через 2 года – от 14 до 22 лет. Было обнаружено, что субъективный возраст может быть хорошим индикатором самовосприятия созревания. Подростки с ранним сексуальным опытом, употреблявшие алкоголь и наркотические вещества, поведенческими проблемами демонстрировали увеличение субъективного возраста на 2 года по сравнению со сверстниками, не имеющими таких выраженных девиаций. Лонгитудное исследование позволило установить, что вовлеченность в такое «взрослое» поведение предшествовала увеличению субъективного возраста [15].

Наши исследования на выборке 80 человек в возрасте 20–70 лет показали, что динамика субъективного возраста соответствует универсальной тенденции. Молодые люди (20–23 года) идентифицируют себя близко к хронологическому возрасту, в возрасте 25–30 лет – моложе на 0.8, в группе 40–50 лет – моложе на 7.2 года, а люди 60–70 лет – на 13.7. Причем мужчины 20–50 лет ощущают себя моложе, чем женщины, а в возрасте 60–70 лет разница между мужчинами и женщинами незначительна (13.3 и 13.8 года соответственно) [27].

Желание чувствовать себя более молодым у людей старшего возраста, выглядеть более молодым, действовать как молодой и интересоваться тем, чем молодые, может рассматриваться как специальный механизм психологической поддержки (механизм психологической защиты, совладания с проблемой старения). С одной стороны, поддержание такой позитивной иллюзии тесно связано с установками общества на превознесение молодости, когда ценность члена общества определяется относительно его эффективного и продуктивного возраста. С другой стороны, индивидуальные свойства и установки взаимосвязаны также с величиной субъективного возраста и фактом его позитивной иллюзии. Оптимизм, уверенность в собственных силах и способностях, удовлетворенность жизнью высоко коррелируют с более молодым субъективным возрастом.

Поддержание высокой мотивации на увеличение разницы между хронологическим и субъективным возрастом обычно опирается на информационную верификацию, обратные связи с представлениями о своих возрастных проявлениях. Переоценка своего возраста сильнее в тех областях, где нелегко однозначно получить информацию, обратную связь. Физические аспекты субъективного возраста – здоровье и привлекательность – дают более однозначные обратные связи, их стандарты менее двусмысленны, чем общее восприятие возраста или возрастной активности и интересов. Действительно, именно здоровье и привлекательность выступают высоконадежными предикторами возрастной идентификации. Другой информационный аспект относится к тем прототипам, относительно которых оценивают себя люди. Так, если люди ориентируются на устаревшие прототипы (например, предыдущей генерации) для оценки своего субъективного возраста, то они могут недооценивать и возраст других людей. Этот аспект не был исследован экспериментально, и он связан

с вопросами о влиянии возрастных стереотипов, их имплицитных моделях и динамике в развитии человека.

В нашем исследовании субъективного возраста проводилось сравнение самооценок субъективного возраста с оценками возраста других людей. Субъективный и хронологический возраст сопоставлялись с оценками возраста людей разных возрастных групп (20–30, 40–50 и 60–70 лет) по фотографиям (30 фотографий реальных людей, чей субъективный и хронологический возраст был оценен). Оказалось, что оценка возраста лиц, изображенных на фотографиях, в группе молодых равна разнице хронологического и субъективного возрастов (разница между хронологическим возрастом и общей оценкой собственного субъективного возраста; разница между субъективной оценкой возраста по фотографиям и хронологическим возрастом; разница между субъективной оценкой возраста по фотографии и хронологическим возрастом в среднем по группе молодых равна -0.6 , -0.6 и -0.6 соответственно), в группе 40–50 лет: -5.9 , -3.2 и -2.7 , а в группе 60–70 лет: -9.6 , -3 , -6.6 . Разница между возрастом, воспринимаемым по фотографии, и хронологическим возрастом в старших группах значительно меньше, чем разница между возрастом, оцененным по фотографиям, и субъективным возрастом [27]. Эти данные указывают на то, что люди в большей степени ориентируются на реальные представления о себе (физическом состоянии и привлекательности), чем на стереотипы и идеалы, транслируемые социумом (молодость любой ценой, образы вечно юных актрис, молодящихся медийных персонажей и т. п.). Таким образом, подтверждается предположение о большей надежности обратных связей, относящихся к физическому состоянию и привлекательности человека, для когнитивных имплицитных моделей возраста и его идентификации, по сравнению с социально обусловленными сравнениями как основой возрастной идентичности.

Согласно концепции социально-эмоциональной селективности [28], ограниченная временная перспектива будущего, которая приходит с возрастом, вызывает усиление эмоционально значимых целей, неотложности поощрения, уменьшение значения познавательных целей, которые могут быть необходимы в будущем. Освоение новых навыков, новой информации, интерес к новым технологиям относятся к познавательно-ориентированному поведению. Факт, что более молодой субъективный возраст связан с большей выраженностью познавательной активности у пожилых людей, указывает на то, что, чувствуя себя моложе, они имеют менее ограниченную временную перспективу [12]. Действительно, обладая большой позитивной иллюзией или недооценивая свой возраст, люди могут воспринимать смерть как более отдаленную временную перспективу, чем те, кто чувствует себя старше. Данное предположение согласуется с результатами маркетинговых исследований, показавших, что субъективно более молодые люди преклонного возраста ориентированы на испытание новых брендов, активны в поиске потребительской информации [29].

В нашем исследовании изучались связи временной перспективы, оцененной с помощью русскоязычной адаптированной методики временной перспективы Ф. Зимбардо (ZTPI) [30], с субъективным возрастом людей 20–70 лет. Результаты показали, что у молодых людей в возрасте 20–30 лет преобладает ориентация на получение удовольствия в настоящем, сиюминутного наслаждения,

склонность к совершению необдуманных поступков и действий при отсутствии прогнозирования возможных последствий. Молодым людям свойственно увлекаться настоящим, не задумываясь о будущем, и в чем большей степени выражена направленность на удовольствия настоящего, тем меньше человек задумывается о будущем.

В возрастной группе 40–50 лет наблюдается следующая тенденция: чем больше разница между хронологическим и субъективным возрастами, тем больше ориентация на гедонистическое настоящее и меньше на фаталистическое. Результаты показывают, что первое связано с интересами человека, а второе – с его действиями. Люди этих лет склонны занижать самооценку возраста. Таким образом, чем моложе чувствует себя человек и чем он когнитивно моложе (в определении своих интересов), тем больше он ориентирован на наслаждение настоящим, получение позитивных впечатлений и удовольствий, и тем меньше он считает, что настоящее и будущее предопределены. В таком случае, чем меньше субъективный возраст, которому соответствуют его действия, тем больше он убежден, что может повлиять на будущее собственными силами, и способен контролировать настоящее, подкрепляя это убеждение поиском радостных событий и удовольствий в настоящем. Для данной возрастной группы характерно также то, что позитивный прошлый опыт усиливает ориентацию на будущее. В этом возрасте многие мужчины и женщины осуществляют переоценивание своей жизни, отмечая для себя, что уже сделано, что еще предстоит сделать, какие планы хочется реализовать. Соответственно, можно предположить, что позитивный прошлый опыт, ощущение значимости достигнутых результатов повышают уверенность в собственных силах, в способности в будущем так же успешно реализовывать себя и увеличивают ориентацию на будущее.

Люди в возрасте 60–70 лет склонны занижать самооценку возраста, что связано с разными факторами. Так, чем человек моложе выглядит, по его мнению, тем в меньшей степени это определяется его негативным прошлым опытом, и чем моложе он себя чувствует, тем более человек ориентирован на будущее. Известны случаи, когда тридцати-, сорокалетние люди, пережившие большое горе, сидели и выглядели совсем как старики, а в пожилом возрасте переживания, так или иначе, оставляют отпечаток на внешности. В таком случае, чем меньше у человека неприятных воспоминаний о прошлом, тем моложе он выглядит, по крайней мере по его собственным ощущениям. Ориентация на будущее (наличие планов и целей, а также желание их осуществить) тем более выражена, чем моложе человек себя чувствует, чем больше сил и потенциала он в себе ощущает, возможно, чем более здоровым он себя чувствует.

Природа возрастных различий – фундаментальный вопрос в изучении человеческого поведения. Хотя хронологический возраст является базовым измерением, но для понимания человеческого развития, его внутренних субъективных координат субъективный возраст представляет собой, возможно, ключевой конструкт, позволяющий открыть новые пути анализа самоопределения, субъективного выбора сценариев собственной жизни и их интерпретации. Индивидуальная возрастная идентификация (субъективный возраст) определяется двумя уровнями ментальных репрезентаций: стабильными (якорными) и более лабильными, изменяющимися проксимальными референциями возраста. Стабильные

репрезентации – индивидуальные модели развития, маркирующие собственное поведение относительно возрастных ментальных схем (как ориентации на субъективные когнитивные модели возраста). Проксимальные репрезентации или ментальные возрастные маркеры изменяются в соответствии с событиями, которые проблематизируют возраст. Это означает, что именно такие события играют роль интегратора и реинтегратора в изменениях и сдвигах в индивидуальной возрастной идентичности (данное положение подробно обосновано в исследованиях автобиографической памяти, наиболее полно представленных в работах В.В. Нурковой [20, 23]). К таким событиям можно отнести исторические (дни рождения, свадьбы, годовщины, разводы, воссоединения, поминки), физические (события, связанные со здоровьем, сопряженные с возрастом: сердечный приступ, потеря зрения, проблемы с памятью, роды, менархе, менопауза, смерть друзей, родителей, партнера и т. п.), нормативные (события, связанные с социализацией и культурными нормами, например, поступление в школу, вуз и их окончание, получение паспорта, заключение брака, выход на пенсию и т. п.) и интерперсональные события (события, связанные со значимыми взаимодействиями, как правило, с людьми старшего возраста, изменяющими собственные представления о возрастных маркерах). Это положение подкреплено данными о связи временной перспективы и субъективного возраста. Подобное понимание уровневой организации ментальных маркеров возраста, связанных с субъективной идентификацией, позволяет объединить изучение субъективного возраста с разными подходами к психологическому возрасту (типологическим, событийным и мотивационным). Жизненные события оказывают непосредственное и опосредованное влияние на самовосприятие возраста (событийный подход). Временная перспектива тесно связана с субъективным возрастом человека и организацией собственного поведения (мотивационный подход). Выбор стратегии и сценария жизненного пути включает субъективную идентификацию, построение когнитивной и жизненной перспектив [17]. Многие аргументы в пользу возможности подобного взаимодополнения подходов рассмотрены выше, также показана связь субъективного возраста с временной перспективой, событиями жизни и влияние субъективного возраста на сценарии жизненного пути.

Насколько субъективный возраст человека может соперничать с хронологическим возрастом как предиктор различных аспектов поведения, еще остается в большой степени открытым вопросом. В какой мере субъективный возраст человека по сравнению с хронологическим возрастом может быть связан с большей эффективностью регуляции собственного поведения? Для исследования этого вопроса предлагается использовать разрабатываемый нами конструкт контроля поведения, который, в отличие от других подходов к саморегуляции, опирается на внутренние ресурсы человека (когнитивные, эмоциональные и волевые), интегрируя их для регуляции поведения при решении внешних и внутренних проблем. В таком ресурсном подходе акцентируется роль внутренних возможностей и механизмов в организации и регуляции человеческого поведения [1, 4].

В рамках системно-субъектного подхода выделены следующие функции субъекта: когнитивная (понимание), регулятивная (контроль поведения) и коммуникативная (субъект-субъектные и субъект-объектные отношения) [1]. Рассматриваются единство и реципрокность психологических структур – личности

и субъекта. Человек будет реализовывать зрелые формы поведения в зависимости от степени согласованности в развитии континуума «субъект – личность». Такое представление позволяет рассматривать субъективный возраст человека как стержневой компонент личностной идентификации, который порождает тенденции субъектной организации, согласующиеся с внутренними представлениями о собственных возможностях человека. Соответственно, можно предположить, что конструкт субъективного возраста связан с контролем поведения, представляющего единство когнитивного, эмоционального и волевого компонентов. Данное предположение обосновывается в наших настоящих исследованиях.

Системно-субъектный подход является релевантным конструкту субъективного возраста: и контроль поведения, и субъективный возраст делают акцент на внутренней, психической организации человека в реализации и регуляции собственного поведения. Более того, субъективный возраст человека может выступать показателем его психологического ресурса, что согласуется с гипотезой ресурсной природы контроля поведения как субъектной регуляции.

Summary

E.A. Sergienko. Subjective Age in Terms of the System-Subject Approach.

The article reveals theoretical and empirical potential of the category of a person's subjective age. Within the system-subject approach, we examine cognitive and subjective estimations by a person of his or her own age influencing the inside view on time perspective, perception of life events, and behavior organization and regulation. The category of subjective age is not considered as an alternative to the typological, causal-purposive, and motivational approaches to the problem of psychological time. It becomes just another aspect of its study. Subjective age represents a key construct, which allows us to open new ways of analyzing self-determination, behavior control, subjective choice of life scenarios and their interpretation, and to come up to the solution to the problem of the relationship between the categories of subject and personality. Based on our own data and the works of other authors, we discuss the characteristics of subjective age, its dynamics and the factors influencing it.

Key words: subjective age, system-subject approach, subject, personality, time perspective.

Литература

1. *Сергиенко Е.А.* Системно-субъектный подход: обоснование и перспектива // Психол. журн. – 2011. – Т. 32, № 1. – С. 120–132.
2. *Сергиенко Е.А.* Континуально-генетический принцип становления субъекта // Субъектный подход в психологии / Под ред. А.Л. Журавлева, В.В. Знакова, З.И. Рябикиной, Е.А. Сергиенко. – М.: Ин-т психологии РАН, 2009. – С. 50–66.
3. *Сергиенко Е.А., Виленская Г.А., Ковалева Ю.В.* Контроль поведения как субъектная регуляция. – М.: Ин-т психологии РАН, 2010. – 351 с.
4. *Ломов Б.Ф.* Методологические и теоретические проблемы психологии. – М.: Наука, 1984. – 444 с.
5. *Анцыферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтологии. – М.: Ин-т психологии РАН, 2004. – 415 с.
6. *Асмолов А.Г.* Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. – М.: Смысл: Академия, 2007. – 528 с.

7. *Петровский В.А.* Феномен субъектности в психологии личности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М.: Моск. гос. ун-т, 1993. – 70 с.
8. *Абульханова К.А.* Идеальность и реальность субъекта // Субъект и личность в психологии саморегуляции / Под ред. В.И. Моросановой. – М.; Ставрополь: Изд-во ПИ РАО, СевКавГТУ, 2007. – С. 31–45.
9. *Брушлинский А.В.* Психология субъекта и его деятельности // Современная психология. Справочное руководство / Под ред. В.Н. Дружинина. – М.: Инфра-М., 1999. – Ч. 4: Психическая регуляция поведения. – С. 330–346.
10. *Ананьев Б.Г.* Психология и проблемы человекознания. Избр. психол. труды / Под ред. А.А. Бодалева. – М.; Воронеж: Ин-т практ. психологии; НПО «МОДЭК», 1996. – 383 с.
11. *Barak B.* Age identity: A cross-cultural global approach // *Int. J. Behav. Dev.* – 2009. – V. 33, No 1. – P. 2–11.
12. *Teuschler U.* Subjective age bias: a motivational and information processing approach // *Int. J. Behav. Dev.* – 2009. – V. 33, No 1. – P. 22–31.
13. *Hubley A., Russell L.* Prediction of subjective age, desired age, and age satisfaction in older adults: do some health dimensions contribute more than other? // *Int. J. Behav. Dev.* – 2009. – V. 33, No 1. – P. 12–21.
14. *Kastenbaum R., Derbin V., Sabatini P., Artt S.* “The ages of me”: toward personal and interpersonal definitions of functional aging // *Int. J. Aging Hum. Dev.* – 1972. – V. 3, No 2. – P. 197–211.
15. *Galambos N.L., Albrecht A.K., Jansson S.M.* Dating, sex, and substance use predict increases in adolescents’ subjective age across two years // *Int. J. Behav. Dev.* – 2009. – V. 33, No 1. – P. 32–41.
16. *Головаха Е.И., Кроник А.А.* Психологическое время личности. – М.: Смысл, 2008. – 267 с.
17. *Абульханова К.А., Березина Т.Н.* Время личности и время жизни. – СПб.: Алетея, 2001. – 304 с.
18. *Ковалев В.И.* Психологические особенности личностной организации времени: Автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М.: Моск. гос. ун-т, 1979. – 48 с.
19. *Нюттен Ж.* Мотивация, действие и перспектива будущего. – М.: Смысл, 2004. – 607 с.
20. *Нуркова В.В.* Сверхённое продолжается: Психология автобиографической памяти личности. – М.: Изд-во Ун-та РАО, 2000. – 316 с.
21. *Толстых Н.Н.* Хронотоп: культура и онтогенез. – М.; Смоленск: Универсум, 2010. – 312 с.
22. *Кроник А.А., Ахмеров Р.А.* Мотивационная недостаточность как критерий деформации картины жизненного пути // Мотивационная регуляция деятельности и поведения личности. – М.: Ин-т психологии РАН, 1988. – С. 55–74.
23. *Нуркова В.В.* Культурно-исторический подход к автобиографической памяти: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. – М.: Моск. гос. ун-т, 2009. – 51 с.
24. *Henderson K.V., Goldsmith R.E., Flynn L.R.* Demographic characteristics of subjective age // *J. Soc. Psychol.* – 1995. – V. 135, No 4. – P. 447–457.
25. *Montepare J.M., Lachman M.E.* “You’re only as old as you feel”: self-perceptions of age, fears of aging, and life satisfaction from adolescence to old age // *Psychol. Aging.* – 1989. – V. 4, No 1. – P. 73–78.

26. *Galambos N.L., Turner P.K., Tilton-Weaver L.C.* Chronological and subjective age in emerging adulthood: The crossover effect // *J. Adolesc. Res.* – 2005. – V. 20, No 5. – P. 538–556.
27. *Сергиенко Е.А.* Субъективный возраст человека: системно-субъективный и метакогнитивный подходы // Актуальные проблемы теоретической и прикладной психологии: традиции и перспективы. Материалы Всерос. науч.-практ. конф. (г. Ярославль, 19–21 мая 2011 г.): в 3 ч. – Ярославль: ЯрГУ им. П.Г. Демидова, 2011. – Ч. 1. – С. 412–415.
28. *Lang F.R., Carstensen L.L.* Time counts: future time perspective, goal and social relationships // *Psychol. Aging.* – 2002. – V. 17, No 1. – P. 125–139.
29. *Szmigin I., Carrigan M.* Time, consumption, and the older consumer: an interpretive study of the cognitive young // *Psychol. Marketing.* – 2001. – V. 18, No 10. – P. 1091–1116.
30. *Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В.* Адаптация опросника по временной перспективе Ф. Зимбардо на русскоязычной выборке // *Психол. журн.* – 2008. – № 3. – С. 101–109.

Поступила в редакцию
12.04.11

Сергиенко Елена Алексеевна – доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией Института психологии РАН, г. Москва.
E-mail: *Elenas13@mail.ru*